

ПРОБЛЕМЫ ИНТЕРПРЕТАЦИИ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ОРГАНИЗАЦИИ ГАВАЙСКОГО ОБЩЕСТВА

Юрий Викторович ЛАТУШКО,
старший лаборант-исследователь
Института истории ДВО РАН*

Специфика среды обитания. Южная (обитаемая) часть Гавайского архипелага представляет собой группу, состоящую из восьми больших островов (Ниихау, Кауаи, Оаху, Молокаи, Ланаи, Мауи, Кахулаве и Гавайи), расположенных южнее тропика Рака (север центральной части Тихого океана). Их общая площадь превышает 16 тыс. км². Самым крупным островом является о-в Гавайи (свыше 10 тыс. км², или 2/3 площади обитаемой части архипелага)¹. Все острова архипелага имеют вулканическое происхождение и являются вершинами вулканического хребта. Климат островов мягкий. Разница между зимними и летними температурами не превышает 4—8° Цельсия. Количество атмосферных осадков на островах не одинаково и зависит от рельефа местности и господствующих северо-восточных пассатов. Наибольшее их количество выпадает на северных и северо-восточных склонах гор. Прибрежная линия в этих районах получает ежегодно 3000—6000 мм осадков, причём данное значение увеличивается в зависимости от вертикальной поясности (достигая значения в 14 000 мм). Вместе с тем южные и западные подветренные склоны являются аридными зонами, где в год выпадает около 300 мм осадков.

Небольшие стремительные горные реки прорезают наветренные склоны гор, образуя при этом плодородные долины. Хорошо развитый почвенный покров имеется только на одной десятой территории архипелага. Широко распространёнными почвами на Гавайях являются латериты, которые, несмотря на малое содержание в них гумуса (4—6%), всё-таки пригодны для возделывания батата и ямс. Самыми плодородными являются красные, особенно аллювиальные почвы, но таких меньшинство. Большая часть видов флоры и фауны имеет новогвинейское или индо-малайское происхождение. Единственное су-

* В конкурсе работ молодых ученых и аспирантов института 2006 г. Ю.В. Латушко занял 3-е место. 29 июня 2006 г. в диссертационном совете Института истории состоялась успешная защита диссертации Ю.В. Латушко «Трансформация гавайского общества (конец XIII — середина XIX в.)» на соискание ученой степени кандидата исторических наук.

хопутное млекопитающее (не считая завезённых человеком собак, свиней, мышей и крыс) — летучая мышь. Орнитофауна архипелага значительно богаче, но многие эндемичные виды были истреблены ещё в древности (до прихода европейцев) из-за своих перьев, которые использовали на изготовление накидок и головных уборов вождей. В омывающих Гавайские острова водах водятся разные виды рыб, черепах, моллюсков и других морских животных. Однако Гавайи не имеют коралловых рифов, которые в остальных районах Полинезии выступали в качестве главных мест рыболовства древних полинезийцев.

Хозяйство. Отсутствие рифов значительно снижало продуктивность рыболовства, но первые поселенцы очень рано нашли выход из данной ситуации путём создания искусственных запруд на отмелях или в прибрежных зонах. Площадь таких заводов могла достигать 200 га². Недалеко от берега огораживались специальные участки для выпаривания соли. Со временем всё большую роль в жизни островитян стало играть земледелие мотыжного типа. Постепенно люди освоили не только прибрежные наветренные долины, но и горные районы, и засушливые подветренные зоны.

На западных островах архипелага интенсивно развивалось ирригационное хозяйство (особенно на о-ве Кауаи, который, вероятно, был центром древнейшей гавайской мини-системы³). Модель хозяйственного освоения разных экологических зон может быть хорошо проиллюстрирована археологически изученным примером на о-ве Молокаи площадью в 676 кв. км. На острове три экологические зоны: 1) северо-восточная зона глубоких, расположенных амфитеатром наветренных долин; 2) юго-восточная зона подветренных горных отрогов с небольшими долинами и широкими рифовыми низменностями; 3) западная аридная зона⁴.

Раньше всего человек освоил прибрежные районы — долины Халава, Ваилау, Пелекуну и Ваиколу (зоны 1 и 2). В зоне 1 активно развивалось ирригационное хозяйство, главной сельскохозяйственной культурой здесь было таро (*Colocasia esculenta*). Зона 2 с её сравнительно небольшими долинами была менее пригодна для данного вида земледелия, но зато здесь располагалось 73 искусственных рыбных запруды. Основная часть населения сосредоточивалась в зонах 1 и 2, зона 3 была безлюдным районом, почти не пригодным для ведения сельского хозяйства, но там сосредоточивались большие запасы скальной породы. В каменоломнях этой зоны добывалось сырьё, необходимое для изготовления каменных тёсел и других орудий труда, кроме того, эксплуатировались рыбные ресурсы её прибрежных районов.

Социальная организация и стратификация. Гавайское общество подразделялось на две основные страты — вождей (*алии*) и общинников (*макааинана*). Особое положение занимала категория «неприкасаемых» (*каува*), которая согласно представлениям гавайцев не входила в структуру общества. Особенностью иерархической системы Гавайев было постепенное соединение двух основных страт в замкнутые группы. Со временем вожди обособлялись от общинников, что наглядно выражалось в таких маркерах их статуса, как одежда, право на собственные длинные генеалогии, пищевые привилегии и т.д. Принцип иерархии, лежавший в основе общежития гавайцев, выражался через концепцию мана-табу. Табу (по-гавайски *капу*) не были одинаковыми для всех слоёв общества, как не были одинаковы сами социальные страты. Общее табу богов дополнялось частным случаем табу вождей. Согласно легендам такая

идеологическая система оформилась на рубеже XIII—XIV вв., что совпадает по времени с началом формирования на Гавайях сложных вожеств.

Специфические формы социальной организации гавайцев, обусловленные экологией и хозяйственной деятельностью человека, обнаруживают тесную взаимосвязь с потестарно-политическими формами. В подтверждение этой мысли сошлёмся на мнение М. Салинза, указывавшего на существование двух основных типов родственных (десцентных) объединений на вулканических островах Полинезии, которые «равным образом интегрируются в политические институты различной формы»⁵ — «рэmidжей» и «усечённых десцентных линий». Рэmidж⁶, или конический клан (характерный для Гавайев), представляет собой внутренне ранжированную (по примогенетуре, или первородству) десцентную группу⁷, причём важной характеристикой рэmidжа является его экстерриториальность. Такая структура может охватывать собой часть острова, целый остров или даже группу островов, оставаясь при этом одной таксономической единицей. Сегменты рэmidжа (отдельные домохозяйства) могут образовывать различные рекомбинации в зависимости от экологических или экономических факторов. Таким образом, один или несколько больших (расширенных) рэmidжей могут становиться готовой формой для образования отдельной политической единицы, как это и было в период развития сначала простых (начиная примерно с 600—800 гг. н.э.)⁸, а затем и сложных гавайских вожеств. В ходе политогенеза «верхушка» рэmidжа часто превращалась в особый сегмент, структурированный в правящий линидж, который образовывал управленческую подсистему общества.

Со временем правящий линидж («верхушечный рэmidж») экономически и идеологически обособлялся от таковых других. Верховный вождь и члены его семейства переставали принимать непосредственное участие в процессе производства средств существования и реализовывали по преимуществу лишь судебную-медиативную, управленческую и церемониальную функции, что подкреплялось комплексом религиозных привилегий и запретов. Так формировалось подобие будущего бюрократического аппарата, где верховный вождь оказывался на его вершине, а главы сегментов максимально расширенного рэmidжа становились правителями «на местах»⁹.

Рэmidжевые структуры возникали в определённых хозяйственно-экологических условиях (достаточное количество ресурсов разных экологических ниш — прибрежной, горной, зоны речных долин и т.д.), обуславливавших целый спектр занятий — от прибрежного и морского рыболовства до возделывания таро (орошаемого или нет), заготовок дикоросов и т.п., благодаря чему становилась возможной производственная специализация/кооперация отдельных домохозяйств. Таким образом, внутреннее ранжирование рэmidжей давало механизм для распределения продуктов разных экологических зон по вертикали и горизонтали. Такое распределение (в форме редистрибуции и реципрокации) осуществлялось благодаря родственной иерархии отдельных сегментов рэmidжа. Младшие вожди осуществляли сбор подношений с нижестоящих «ответвлений»¹⁰ рэmidжа в пользу старших вождей. По мере территориального расширения такого рода структур (в ходе хозяйственного освоения архипелага, а впоследствии посредством войн и браков) количество уровней редистрибуции увеличивалось. Высшие и низшие рэmidжи превращались в закрытые эндогамные по отношению друг к другу группы (при этом внутренняя агамия сохранялась)¹¹.

Динамика потестарно-политического развития доконтактных Гавайев. С момента заселения островов численность туземного населения постепенно возросла. Вероятно, около 800 г. н.э. произошёл один из первых скачков увеличения населения, когда оно стало исчисляться не сотнями, а тысячами человек. В это время возникли первые простые вождества, в которых вожди возглавляли локальные общины (двухуровневая система). По мере хозяйственного освоения прибрежных долин кардинально изменялась среда обитания — часть эндемических видов орнитофауны оказалась истребленной, почвы подверглись эрозии. В результате человек стал осваивать и другие экологические зоны — сначала засушливые наветренные берега, а потом и внутренние районы, где долгое время единственным хозяином был вековой тропический лес.

Следующий скачок численности населения и усложнения социальной организации Гавайев пришёлся примерно на 1200—1400 гг.¹² Он сопровождался изменениями в хозяйственной и социальной структуре архипелага. Усложнение социальной организации проходило в условиях острой конкуренции за ресурсы. Возросшая роль вождей как организаторов хозяйственной жизни привела к усилению их общественного влияния. В этот «формативный период»¹³ шёл процесс образования надлокальных иерархических структур гавайского общества (переход от двухуровневой к трёхуровневой системе). Совершенствование сельскохозяйственной технологии (внедрение удобрений, прополка полей, строительство дамб) позволяло вождям сосредоточивать в своих руках средства, необходимые для укрепления их власти. К концу формативного периода начались усобицы, целью которых было расширение владений того или иного вождества. В дальнейшем, с рубежа XIV—XV вв. и по конец XV в., образовались региональные политии¹⁴, под власть верховных правителей (*алии-аи-моку*) попали районы, объединявшие большое количество прибрежных и внутренних долин (*ахунуаа*). Население таких образований стало исчисляться десятками тысяч человек¹⁵. Борьба между вождями за новые территории становилась всё более непримиримой. Косвенно об этом свидетельствует факт появления на границах отдельных политий, в районах беспрестанных вооружённых стычек, «буферных зон» без поселений¹⁶.

Важным археологическим индикатором усложнения социальной организации доконтактных Гавайев служит монументальная архитектура. Примерно с рубежа XIV—XV вв. на островах архипелага начинают воздвигаться крупные храмовые комплексы (*хеиау луакини*)¹⁷. Хронология гавайской храмовой архитектуры остаётся скудно документированной археологически, устные же предания связывали их возникновение с деятельностью верховных вождей на протяжении последних пятисот лет доистории. Дифференциация *хеиау* по функциям, типам, размерам в период примерно с 1400 по 1800 г. совпадает по времени с завершением процесса формирования сложных вождеств и началом перехода к государственности. Гавайские храмы могли достигать внушительных размеров. Так, объём каменной насыпи самого крупного храма на о-ве Молокаи *Илили опаэ* составляет 15 750 куб. м¹⁸. По подсчётам М. Кольба, для создания самого большого храма о-ва Мауи *Пииланихале* (с объёмом каменной насыпи около 18 000 м³), потребовалось около 130 тыс. человеко-дней (при расчётной продолжительности рабочего дня в 10 часов)¹⁹. Масштаб работ указывает на то, что они требовали координации трудовых усилий общинников со стороны верховных правителей. Однако было бы опрометчиво

считать, что *хеиау луакини* строились благодаря жестокой эксплуатации общинников. Возможно, принимая во внимание систему верований древних гавайцев, строительство ритуальных комплексов вождей облекалось в реципрокные формы. Ведь труд общинников обменивался на посредничество верховного вождя в делах божественных, что нельзя было измерить в точном материальном эквиваленте (иными словами, речь идет об асимметричном характере отношений власти).

Следующим этапом в развитии гавайских вожеств стал период оформления политий в островных масштабах (период «унификации» XVI — середины XVII в.). В это время начинается широкомасштабное строительство ирригационной сети, тогда как темпы строительства больших храмов несколько замедляются²⁰. Т. Эрл²¹ полагает, что данный процесс не был связан напрямую с ростом численности населения, а инициирован правящей элитой, нуждавшейся в дополнительных средствах, необходимых для ведения войн со своими соседями. Иными словами, рост численности населения Гавайских островов способствовал интенсификации ирригационного земледелия, но не был причиной его вызывавшей. Максимальной численности Гавайи достигли примерно в конце XV в. (по разным оценкам от 160 до 800 тыс. чел.)²². Наиболее приемлемой кажется цифра в 250—300 тыс. чел. Если принять во внимание тот факт, что пригодная для ведения сельского хозяйства территория (на которой сосредоточивалась основная масса населения) составляла лишь 10—20% от общей площади архипелага, то мы получим значительную цифру плотности населения — порядка 90—180 чел. на кв.км²³.

К концу периода «унификации» образовались четыре самостоятельные политии островов Мауи, Оаху, Гавайи и Кауаи. Власть верховных правителей Мауи, Оаху и Кауаи распространялась на ряд более мелких соседних островов. В таком виде гавайское общество подошло к контакту с Западом. Хронологические рамки последнего периода («завоевания») охватывают середину XVII в. — 1820 г. В результате борьбы правителей о-ва Гавайи, и в первую очередь верховного вождя округа Кона — Камеамеа, возникло единое Гавайское королевство.

Проблемы интерпретации. Реконструкция социополитической организации Гавайев периода поздней доистории во многом опирается на данные археологии. К материальным критериям простых вожеств обычно относят:

- 1) небольшого размера храмы;
- 2) один пространственный центр в каждом вожестве;
- 3) только одно большое домохозяйство (кластер жилищ вождя) на одну политическую единицу;
- 4) сравнительно простой и однотипный набор предметов престижного потребления и орудий труда²⁴.

Этим критериям соответствует лишь небольшое количество гавайских памятников, а потому древнейший период эволюции гавайского общества остаётся мало изученным. Количество известных памятников резко возрастает начиная с 1200—1400 гг. Любопытно сопоставить археологические данные с устными преданиями гавайцев. Согласно традиции нестабильная ситуация раннеконтактного периода, при которой вожества то увеличивались, то уменьшались в размерах, с достоверностью берёт своё начало примерно с 1700 г., но, возможно, и за столетие до этого²⁵. И. Голдман называл ещё более

раннюю дату — около 1450 г.²⁶, однако датировка на основе генеалогий вождей крайне ненадёжна. Поэтому анализ этноисторических данных должен идти рука об руку с археологическими изысканиями.

На существование сложных вожеств может указывать:

- 1) дифференциация жилищ общинников и вождей разных уровней (формирование трёхчастной организации общества);
- 2) дифференциация захоронений означенных групп с учётом затраченного на их постройку труда (как свидетельство прижизненного статуса похороненных индивидов)²⁷;
- 3) дифференциация внутри страты вождей (по предметам престижного потребления);
- 4) градация размеров храмов, указывающая на размер административно-территориальных единиц (район (*ахунаа*), округ (*моку*)), подконтрольных вождям разных уровней.

Известны два особенно больших храма — Канеаки в долине Макаха на о-ве Оаху и Алеалеа в Хонаунау на о-ве Гавайи, каждый равен другому по размеру и имеет позднейшие по времени надстройки. Эти *хеиау* датируются 1545±90 гг. и 1630±90 гг. соответственно. В округах Кау и Кона на о-ве Гавайи были обнаружены подвески *нихо палаоа* (датируемые 1720±100 гг.), известные из этноисторических источников как атрибуты верховных вождей и символы их власти. Изучены два комплекса жилищ, возможно, принадлежавшие верховным вождям в Ваиахукини (округ Кау, о-в Гавайи) и в Кахалу (округ Кона, о-в Гавайи), датируемые 1700 г. и 1550 г. соответственно²⁸. Кроме того, 45% от общего числа захоронений на кладбищах побережья Калоко (округ Кона, о-в Гавайи), скорее всего, принадлежало вождям разного уровня ввиду разнообразного сопроводительного инвентаря²⁹.

Таким образом, совокупность имеющихся археологических данных указывает на возникновение сложных вожеств начиная, как минимум, с 1500—1600 гг.³⁰ Как видно, основным отличием простых вожеств от сложных, которое можно зафиксировать археологически, является количество уровней редистрибуции власти или уровней принятия решений (один в простых вожествах: вождь района — общинники, и два уровня в сложных: вождь округа — вожди районов — общинники).

Сегодня археологам на Гавайях доступны большей частью маргинальные в экологическом плане зоны, не занятые современным строительством, которые и в древности осваивались человеком в последнюю очередь. Смеем предположить, что среди прочего это может быть причиной небольшого количества находок, относящихся к начальному периоду формирования вожеств на Гавайях. Другой проблемой является специфика самих памятников (это преимущественно дюнные комплексы), осложняющая датировку (углеродный анализ даёт большой разброс в датировках, датирование по базальту также имеет ряд ограничений³¹, слои часто оказываются перемешанными друг с другом и т.п.).

Имеющиеся данные позволяют однозначно говорить лишь о значительной стратификации гавайского общества, наличии в нём трёхуровневой системы политической иерархии, монументальной архитектуры, высокой численности и плотности населения, интенсивной системы сельскохозяйственного производства (включая ирригацию), но на основании этих признаков гавайское общество периода поздней доистории (XIV — третья четверть XVIII в.) нельзя

характеризовать как (ранне)государственное. В этой связи нам придётся обратиться к известной типологии ранних государств, предложенной одноименной исследовательской школой под руководством Х. Классена и П. Скальника.

«Манифестом» этого направления стал коллективный труд «Раннее государство» (1978)³², в котором на основе сравнительного анализа материалов из разных уголков мира выделены факторы, приводившие к возникновению раннего государства, и сформулировано «минимальное определение» этого института. Данная работа стала попыткой структуралистско-эволюционистского синтеза интегративного и конфликтного подходов понимания сущности политогенеза. Согласно Х. Классену и П. Скальнику раннее государство является организацией для регулирования социальных отношений в сложном стратифицированном обществе, которое должно быть поделено как минимум на две страты (социальных класса) — управителей и управляемых. Господство первых и данничество последних покояется на единой идеологии, в основе которой лежит принцип взаимного обмена услугами³³. К факторам возникновения раннего государства относились: численность населения, война, идеология, производство избыточного продукта, влияние уже существующих государств и др. В последующих работах Х. Классен признавал, что многие теоретические положения, сформулированные в «Раннем государстве», требуют пересмотра.

Данная теория, с точки зрения её дедуктивного применения при анализе конкретных этнографических и исторических примеров, имеет ряд серьёзных недостатков. Часть из них была устранена самими авторами путём подведения частных категорий под более общие. Но настоящий камень преткновения кроется в другом. Возникновение раннего государства в каждом конкретном случае было комбинацией определённых факторов (социальный формат, идеология, экономика), помноженных на своего рода катализатор (фактор стресса)³⁴. Остается по-прежнему неясным, каково соотношение этих элементов.

Предложенная типология ранних государств (зачаточное, типичное, переходное) не позволяет в полной мере понять, чем зачаточное раннее государство отличается от сложного вожества. И в первом, и во втором случае доминируют клановые связи, нет правовой кодификации, специальных судебных органов, редистрибуция и поборы не фиксированы, а аппарат управления слабо развит³⁵. Может показаться, что спасением в этом случае становится категория «монополии на узаконенное насилие» М. Вебера. Действительно, если власть может монопольно навязывать свою волю, исключая остальные социальные институты из этого процесса, то она функционирует как государственная. Однако Р. Карнейро справедливо указывал на то, что многим ранним государствам как раз и не хватало монополии на использование силы³⁶. Нам кажется, что гораздо важнее здесь не сама монополия, а то, посредством чего она реализуется. А значит, основное внимание должно уделяться аппарату управления. Все остальные критерии — монументальная архитектура, письменность, города — не являются стопроцентными атрибутами раннего государства, хотя они очень удобны для эмпирического изучения в отличие от такой абстракции, как эксплуатация.

Но и в оценке степени развитости аппарата управления существуют сложности. Количество «чиновников» можно подсчитать, но очень сложно провести грань между зачаточными органами управления в вожестве и в раннем государстве. Как определить, вылилась ли деятельность по управлению

в самостоятельную от производства материальных благ сферу? В сложных стратифицированных обществах Полинезии (Тонга, Таити, Гавайи) не только сакральные вожди, но и их семьи не участвовали в материальном производстве средств существования, и, наоборот, создатель Гавайского королевства Камеамеа I, работал в поле, ловил рыбу, строил храмы. Как определить, в каком случае такие действия обуславливались необходимостью простого выживания, а в каком — стремлением правителей повысить авторитет власти («быть ближе к народу»).

Что касается порядка комплектования аппарата управления (развития внеклановых принципов его формирования), то здесь также есть проблемы. Родственные связи при назначении на должность имели решающее значение и в ряде зрелых государств, что уж говорить о ранних. Так, П. Беллвуд справедливо критиковал И. Голдмана за то, что тот при анализе социальных отношений доконтактных Гавайев увлекся аналогией с гавайским обществом начала XIX в.³⁷ Переход же к прообразу гавайской государственности — «деспотической системе феодального типа», по мнению И. Голдмана, произошёл между 1100 и 1450 гг.³⁸ В это время билатеральная, но преимущественно патрилокальная линиджная организация распадалась, и на смену родственному принципу поселения приходил новый тип организации общества — территориально-политический.

Появление «сегментного ранжирования»³⁹ для элиты и сохранение значения «индивидуального» ранга для общинников отражали процесс формирования двух страт общества, отношения между которыми мыслились как родственные, но в реальности были отношениями господства—подчинения. Большинство же исследователей более осторожно оценивают момент возникновения государства на Гавайях. Часть из них⁴⁰ полагает, что оно возникло непосредственно перед открытием островов европейцами, другие (и таких большинство) связывают возникновение Гавайского государства с влиянием иностранцев на политические процессы туземного общества⁴¹.

Типология ранних государств Х. Классена и П. Скальника основана на 10 критериях, в числе которых наличие рынков и профессиональных торговцев; способ занятия постов через назначение, а не по наследству; наличие должностных лиц, получающих за свою работу жалованье (оклад); кодифицированное право; наличие официальных судей; кодифицированные наказания; личная собственность аристократов на землю; личная собственность общинников и др. При этом зачаточное раннее государство не имеет ни одной из выше перечисленных характеристик (кроме как в потенциале); переходное обладает всеми перечисленными характеристиками. Типичное раннее государство находится где-то посередине. Д.М. Бондаренко и А.В. Коротяев справедливо указывали на тот факт, что при построении данной типологии произошло смешение критериев, связанное с объединением двух существенно отличных концептов понимания сути государства (тип общества vs. тип политической организации)⁴². Из определения видно, что раннее государство по Х. Классену — это «централизованная социополитическая организация, регулирующая социальные отношения в сложном стратифицированном обществе», но такие параметры, как рынки, профессиональные торговцы, право личной собственности на землю, относятся к характеристикам общества в целом, а не к его политической подсистеме.

Доконтактные Гавайи по большинству характеристик не подходят под определение раннего государства. Решить эту дилемму можно двумя основными путями: 1) вынести Гавайи за скобки типологии ранних государств; 2) пересмотреть саму типологию, отказавшись от выделения зачаточного и переходного ранних государств, остановившись только на типичном⁴³. В таком случае о государстве на Гавайях можно говорить не ранее 1795 г., когда Камеаеа I завоевал западные острова архипелага (Мауи и Оаху), на которые он стал направлять наместников (*куина*), прикрепляя к ним канцеляристов из числа адаптированных в семью правителя иностранцев. Здесь же повторим тривиальную истину об условности любой типологии (как и языка в целом), памятуя о том, что государство — это идеальный тип, призванный описывать реальность, а не сама реальность.

Вместе с тем мы не разделяем скептицизма П.Л. Белкова, который склонен рассматривать концепт раннего государства как «негацию» государства⁴⁴. Раннее государство — это всё-таки именно государство, а не «предгосударство». В последнем случае пришлось бы согласиться, что логически оно действительно ничем не отличается от «позднего вождества».

¹ Халеоле С. Сказание о Лаиэ-и-ка-ваи. М.: Наука, 1987. С. 3.

² Беллвуд П. Покорение человеком Тихого океана. М.: Наука, 1986. С. 390; Titcomb M. and Pukui M.K. Native use of fish in Hawaii // Journal of the Polynesian Society. 1951. Vol. 60. № 2—3. P. 1—57.

³ Chase-Dunn C. and Ermolaeva E. The Ancient Hawaiian World-System: Research Questions // Working paper. № 4. Доступно из URL. <http://www.irows.ucr.edu/> [Дата обращения 01.06.2005 г.]

⁴ Kirch P.V. Monumental architecture and power in Polynesian chiefdoms: a comparison of Tonga and Hawaii // World Archeology. 1990. Vol. 22. № 2. P. 215.

⁵ Sahlins M.D. Differentiation by Adaptation in Polynesian Societies // Journal of the Polynesian Society. 1957. Vol. 66. № 3. P. 299.

⁶ В работах советских авторов рэмиджевые структуры часто называли «сегментированными семейными общинами». См., например, Тумаркин Д.Д. Гавайский народ и американские колонизаторы. М.: Наука, 1971. С. 10.

⁷ Под десцентом обычно понимается способ отслеживания происхождения индивидов от общих предков по линиям родства (мужской, женской либо по обеим сразу). Тишков В.А. Реквием по этносу: Исследования по социально-культурной антропологии. М.: Наука, 2003. С. 76.

⁸ Cordy R.H. Complex rank cultural systems in Hawaiian Islands: suggested explanations for their origin // Archeology and Physical Anthropology in Oceania. 1974. Vol. IX. № 2. P. 91.

⁹ Sahlins M.D. Differentiation by Adaptation in Polynesian Societies // Journal of the Polynesian Society. 1957. Vol. 66. № 3. P. 299.

¹⁰ С большесемейных общин — охана. Слово «охана», возможно, производное от глагола «ohia» — «отпочковываться», «давать побеги».

¹¹ На Гавайях при господстве патрилинейного десцента возможно было также прослеживание родства по линии женских предков, соответственно варьировалась и локальность брачного поселения от патрилокального до постматримониального, когда молодой человек «отрабатывал» долг за невесту в семье её родственников, а впоследствии переселялся к родственникам по отцу. Таким образом, сегменты рэмиджа были взаимно агамны, а правила афилиации (зачисления в родственную группу) амбилинейны.

¹² Dye, T., Komori E. A Pre-censal Population History of Hawaii // New Zealand Journal of Archaeology. 1992. Vol. 14. P. 113—128.

¹³ Earle T. How chiefs come to power: The Political Economy in Prehistory. Stanford (Cal.): Stanford University Press, 1997.

¹⁴ Ibidem.

¹⁵ Johnson A.W., Earle T.K. The evolution of Human Society: from Foraging Group to Agrarian State. Stanford (Cal.): Stanford University Press, 1987. P. 246.

¹⁶ Cordy, R.H. A Study Prehistoric Social Change: the Development of Complex Societies in the Hawaiian Islands. New York: Academic Press, 1981.

¹⁷ Kirch P.V. Monumental architecture and power in Polynesian chiefdoms: a comparison of Tonga and Hawaii // World Archeology. 1990. Vol. 22. № 2. P. 206—221.

- ¹⁸ Kirch P.V. Op.cit. P. 216.
- ¹⁹ Kolb M.J. Monumentality and the Rise of Religious Authority in Precontact Hawaii // *Current Anthropology*. 1994. Vol. 35. P. 521—547; Уасон П. и Балдиа М. Религия, коммуникация и генезис сложной социальной организации в неолитической Европе // *Альтернативные пути к цивилизации*. М.: Логос, 2000. С. 223.
- ²⁰ В раннеконтактный период строительство больших храмов не велось, верховные вожди лишь перестраивали и расширяли старые *хеиау*. В этом есть определённая логика. Основные политические центры к этому времени уже сформировались, а необходимость поддержания уже существовавших экономик региональных вожеств (со сравнительно большой численностью населения) стимулировала расширение традиционной системы жизнеобеспечения посредством интенсификации специализированного рыболовства (включая развитие марикультуры) и земледелия (как ирригационного, так и богарного типов).
- ²¹ Earle T. Op. cit. P. 43.
- ²² Dye, T., Komori E. A Pre-censal Population History of Hawaii // *New Zealand Journal of Archaeology*. 1992. Vol. 14. P. 113—128; Стэннард. Цит. по Earle T. Op. cit. P. 41.
- ²³ Bakel M.A. van The Political Economy of an Early State: Hawaii and Samoa Compared // *Early State Economics*. New Brunswick and London, 1991. Vol. 8. P. 267.
- ²⁴ Cordy R.H. Problems in the use of ethnoarchaeological models: a Hawaiian case // *Archaeology and Physical Anthropology in Oceania*. 1976. Vol. XI. № 1. P. 91—109.
- ²⁵ Kamakau, S.M. Ruling chiefs of Hawaii. Honolulu: Kamehameha School Press, 1961.
- ²⁶ Goldman I. Ancient Polynesian Society. Chicago: University of Chicago Press, 1970. P. 207—209.
- ²⁷ Tainter J. The social correlates of mortuary patterning at Kaloko, north Kona, Hawaii // *Archaeology and Physical Anthropology in Oceania*. 1973. Vol. 8. P. 1—11.
- ²⁸ Cordy R.H. Complex rank cultural systems in Hawaiian Islands: suggested explanations for their origin // *Archeology and Physical Anthropology in Oceania*. 1974. Vol. 9. № 2. P. 94—95.
- ²⁹ Tainter J. Op. cit. P. 8.
- ³⁰ Cordy R.H. Op. cit.
- ³¹ Kirch, P.V. The Chronology of early Hawaiian Settlement // *Archaeology and Physical Anthropology in Oceania*. 1974. Vol. 9. № 2. P. 110—119; Kirch, P.V. The Evolution of Socio-political complexity in Prehistoric Hawaii: an Assessment of the Archaeological Evidence // *Journal of World Prehistory*. 1990. № 4. P. 41—88.
- ³² Claessen H.J.M., Skalnik P. (eds.) *The Early State*. The Hague: Mouton, 1978.
- ³³ Claessen H.J.M., Skalnik P. Op.cit. P. 640.
- ³⁴ Claessen H.J.M. Was the State Inevitable? // *Social Evolution and History*. 2002. Vol. 1. № 1.
- ³⁵ Claessen H.J.M., Skalnik P. Op.cit. P. 22, 641.
- ³⁶ Carneiro R. The Chiefdom as Precursor of the State. The Transition to Statehood in the New World / Ed. by Jones G. and Kautz R. Cambridge, 1981. P. 68.
- ³⁷ Беллвуд П. Указ. соч. С. 389.
- ³⁸ Goldman, I. Op. cit. См. также Goldman, I. Variations in Polynesian Social Organization // *Journal of the Polynesian Society* 1957. Vol. 66. № 4. P. 384.
- ³⁹ Кожановская И.Ж. Иерархические черты социальной структуры традиционных полинезийских обществ: автореф. дис. ... канд. ист. наук / Институт этнографии АН СССР им. Н.Н. Миклухо-Маклая. М., 1987. С. 15—16.
- ⁴⁰ Bakel M.A. The Political Economy of an Early State: Hawaii and Samoa Compared // Claessen H.J.M., Van de Velde P. (Eds.) *Early State Economics*. New Brunswick and London: Transaction Publishers, 1991.
- ⁴¹ Service E.R. Origins of the state and civilization; Seaton S.L. The Early State in Hawaii // Claessen H.J.M., Skalnik P. (Eds.) *The Early State: Models and Reality*, 1978 and etc.
- ⁴² Bondarenko D.M. and Korotayev A.V. “Early State” in Cross-Cultural Perspective: A Statistical Reanalysis of Henri J.M. Claessen’s Database // *Cross-Cultural Research. The Journal of Comparative Social Science*. 2003. Vol. 37. № 1. P. 111—113.
- ⁴³ Из личной беседы с Н.Н. Крадиным, март 2006 г.
- ⁴⁴ Белков П.Л. Раннее государство, предгосударство, протогосударство: игра в термины? // *Ранние формы политической организации: от первобытности к государственности* / отв. ред. В.А. Попов. М.: Восточная литература, 1995. С. 165—187.

SUMMARY. “Problems of interpretation of political organization of Hawaiian society” is the title of the article by Yurii Latushko. The author tells about the problems of political organization of Hawaiian society of Prehistoric and Early periods.